

Как у нас царицу встречали

Андрей ДОРОШЕНКО,
краевед

К числу исторических легенд наших краёв, подтверждение которых находится в исторических документах, относится предание о посещении Больших Полей императрицей Екатериной II. Произошло это в мае 1780 года во время её поездки в Могилёв. Надо сказать, что царица не была домохозяйкой и немало поехала по русским дорогам. Целью её поездки, как заявляла она сама, было желание посмотреть, как живётся народу. «Я путешествую не для того, чтобы осматривать местности, но чтобы видеть людей», – говорила Екатерина французскому послу Сегору.

Но главной задачей путешествия в Могилёв была проверка хода выполнения реформы управления империей, проведённой незадолго до этого. В уездных и губернских городах приказано было царским

чиновникам, сопровождавшим императрицу «осведомляться о порядке в управлении, о нуждах и пользах всякого места». Местным властям загодя были посланы вопросные листы из 16 пунктов, касающихся положения дела в управлении. Среди вопросов был и вопрос «о дороговизне съестных припасов и прочего нужного». Однако надо заметить, что если проверить ответы уездных и губернских чиновников по этим вопросам на правдивость, то путешествие Екатерины II закончилось бы где-нибудь, не доезжая до Пскова. Приходилось верить городским властям больше на слово. Вряд ли получила императрица правдивую картину жизни подвластного ей народа. Российское чиновничество всегда умело пускать пыль в глаза любым проверяющим особам. Да и сама Екатерина, кажется, не очень возражала быть обманутой.

Часто получалось так, что благой целью изучения реального положения дела в Российской империи отодвигалась в дальний угол. И всё время посещения того или иного города посвящалось церемониям торжественных встреч, балам, обедам и другим более приятным делам. Во время своих путешествий по России Екатерина Алексеевна любила проявить царскую щедрость. Города, остававшиеся её пребыванием, и сами чиновники с купцами получали средства для строительства школ, устройства мест призревания и общего благоустройства.

Императрица Екатерина Вторая

На что же в действительности тратились пожалованные средства, сколько из них затерялось в глубоких карманах чиновников, остаётся только предполагать.

Когда государыня Екатерина собиралась в путь-дороженьку, чиновникам предстояли огромные хлопоты. Сенату надо было обеспечить царскую процессию гужевым транспортом. Главный магистрат рассматривал наряд на лошадей по городам и весам. Ямская канцелярия была обозначена поставкой ямских лошадей. Лошадей для царского поезда требовали, конечно, самых лучших. Их нельзя было привлекать к полевым или другим работам. Особые требования предъявлялись к ямщикам. Ямщики должны были быть и не престарелыми, но и не малолетними. Но самое главное – не пьяницами. Найти ямщиков и не пьяниц, задачей было, наверное, не простой.

К царской поездке привлекались также обывательские и полковые лошади. Лошади доставлялись на почтовые станции за несколько дней до начала путешествия и оставались ещё несколько дней после проезда императрицы. Их хозяевам платились как прогонные, так и простоявшие деньги.

Во время поездки в Могилёв в 1780 году для царственной путешественницы понадобилось 19 карет и 52 коляски. Лошадей для императрицы собирали почти по всему государству. Освободив от этой почётной обязанности Тобольскую, Иркутскую, Оренбургскую и Остзейскую губернии и города Белый (Смоленского наместничества) и Буй (Костромского наместничества) – из-за бедности проживающего здесь населения.

Военная коллегия должна была подготовить на каждой станции караулы из солдат и офицеров. В караулы назначались один обер-офицер, два унтер-офицера, два капрала и двадцать рядовых.

Работу прислуги, сопровождавшей государыню, приготовление пищи, обеспечение гардероба, мебели и прочих удобств во время путешествия должна была организовать придворная контора. Центром всей подготовки царского путешествия был Кабинет императрицы.

Большие хлопоты выпадали и на долю местного начальства. Прежде всего необходимо было подготовить местные дороги для проезда царского поезда.

Старые дороги требовалось отремонтировать, иногда даже построить новые. Приведение в порядок дорог создавало для населения значительные трудности. Нередко по отремонтированным к путешествиям трактам запрещалось ездить вообще кому бы то ни было, порой даже в течение нескольких месяцев. Приходилось передвигаться по объездным, лесным дорогам и болотным местам.

Большие расходы вызывало устройство почтовых станций. На них требовалось построить настоящие дворцы, где могла бы разместиться не только сама Екатерина, но и многочисленные лица её свиты, в том числе иностранные послы. Согласно историческим документам, на каждой почтовой станции для проезда царицы и свиты должно было быть подготовлено 450 лошадей.

Шестипятая картина

Г. П. Потёмкин

Высочайший вояж производить без всякого упущения».

Илья Крашенинников записал в «Журнале»: «Ея Императорское Величество по Высочайшему Своему пребыванию в Царском Селе, мая, 9-го числа, в день праздника Святого Николая Чудотворца соизволила возмездие шествие из того села Царского в Белорусскую губернию, называя путь Свой продолжать чрез Нарву, Псков и Полоцк до Могилы, а оттуда чрез Смоленск, Старую Руссу и Новгород, обратно в Царское Село».

Царскую милость сопровождать себя оказала Екатерина Алексеевна следующим знатым особам: камер-фрейлин Александр Васильевич Энгельгард, фрейлинка Екатерина Васильевна Энгельгард, Варваре Петровне Пассе и Елизавете Дмитриевне Ланской. Скрашивать скуку

дамой дороги приглашены были кавалеры: его светлость князь Григорий Александрович Потёмкин, обер-штабмейстер Лев Александрович Нарышкин, гвардии подполковник граф Яков Александрович Брюс, генерал-аншеф граф Иван Григорьевич Чернышёв, сенатор и кавалер граф Александр Сергеевич Строганов и гофмаршал Фёдор Сергеевич Барятинский. Путевые трудности делами с царшей камергеры князь Михаил Васильевич Долгорукий и Сергей Сергеевич Гагарин, камерюнкеры Андриан Иванович Дивов, Александр Львович Нарышкин, штабмейстер Василий Михайлович Ребиндер. В этом путешествии при царнице также состояли фангель-адъютанты генерал-майор Василий Иванович Левашов и Александр Дмитриевич Ланской, кабинет-секретари бригадир Александр Андреевич Безбородко, полковник Пётр Иванович Турчанинов и гвардии офицер князь Волконский.

Проводить царницу в путь-дорогу прибыл в Царское Село «учрежденного при Дворе Совета члены, также знатный генералитет и придворные знатные же особы». Помогали в придворной церкви. Перед дамой дорогой хорошо пообедали на 76 кувертах. В это время царница наслаждалась не только искусством придворных поваров, но и звуками духовой музыки. И наконец, в третьем часу пополуночи, сев в двухместную карету с камер-фрейлиной Александрой Энгельгард, под пушечный

самол отбыла Екатерина Алексеевна в далёкое путешествие. Через пару вёрст царница пересела в шестиместную карету.

Вместе с Александрой Энгельгард скрашить дорожную скуку Екатерине Алексеевне пригласили графа Ивана Чернышёва, Альфа Нарышкина, графа Александра Строганова, фангель-адъютанта Александра Ланского. А вот милого друга светлейшего князя Григория Потёмкина в карету пригласить не соизволили. Закатилась уже звезда этого фаворита.

В первый день доехали до Красного Села. На следующий день, 10 мая, в половине девятого часа отправились далее. Обедали уже в Чирковичах Ямбургского уезда. К вечеру, в восемь часов пополуночи, прибыл царский поезд в Нарву.

Встретили Её Величество действительно по-царски. При поезде к городу из крепости началась пушечная пальба. Перед городскими предместьями устроены были трое триумфальных ворот «с аллегорическими изображениями радости жителей Нарвских, удостоенных посещения своей Самодержице». Тут стояли по обеим сторонам улицы «юные отроки и девицы, одетые в пастушью плыта (белое с седлоновым) и с корзинками, наполненными цветами, конии устали они путь Ея Величества». Сегодня вряд ли многие знают, что седлоновый цвет – это серовато-зеленоватый цвет. Его традиция пошла от зелёного одеяния пастухов во

французских пастушеских драмах, до которых Екатерина Алексеевна была большая охотница.

«Стечение народа при звуках городской музыки на трубах с литаврами и радостных восклицаниях изываемая, – как сказано в «Дневной записке о путешествии...», – общее удовольствие». Там же далее отмечено: «В вечеру сего и последующего дня весь город освещён был зажжёнными перед дворцом и другими публичными зданиями, и перед всеми мещанскими домами иллюминациями, украшенными различными аллегорическими изображениями». По поводу приезда государыни-императрицы гуляли нарвские жители всю ночь, «торжеством с неописанным удовольствием».

Следующий день, 11 мая, прошёл в приёмах местных «отцов города», депутатов дворянства и купечества. В этот же день побывала Екатерина и на Нарвских порогах (речь идёт о знаменитых Нарвских водопадах. – *Прим. ред.*). Прибыл к ним, благоволила императрица шествовать через мост, на котором изволила смотреть стремление вод. В это время подошедший здесь народ восклицал «Ура». Здесь же она отобедала в доме местного купца Сутова, содержащего пыльный мельник на Нарвских порогах. При здравницах за её царское величество произволилась пушечная пальба, а по окончании обеда и выхода из дома малолетние дети знатного купечества услышали дорогу императрицы цветами.

12 мая, утром в 8 часов, под пушечный самол и колокольный звон отправилась Екатерина в дамеишней путь. Через три версты опять той же компании, что ехала до Нарвы, разместились в шестиместной карете. Ещё через три версты показалась впереди мост через реку Палоссу. Там же встретил императрицу наместник Псковской губернии Яков Ефимович Сиверс. Отужав в специально построенном дворце «великолепный фрыштак», под залпы пушечной пальбы, переехали мост. И вот Екатерина уже в Псковской губернии.

Поменяв на почтовой станции Низы лошадей, но долго здесь не задержались, и к полудню добрались до Больших Полей. Здесь также был устроен путевой дворец. На дворецом крмыде приветствовали царичу псковский губернатор Павел Дмитриевич Мансуров с уездными дворянством. Алексей Илья Крашенинников описал в «Журнале», как «по прибытии в покон благоволила Ея Величество жаловать к руке, как губернатора Мансурова, так и некоторые дворянство. А потом иметь изволила обедеюне кушанье с обретающимися в свите обоего пола персонами, к чему приглашены были наместник Сиверс и губернатор Мансуров, також провожающий от границы Псковской губернии господии правящий должность Санкт-Петербургского губернатора Волков и встретившее Ея Величество на сей станции некоторые дворянство, всего на 27 кувертах».

А. Энгельгард (Принцесса)

Ни до, ни после в Больших Полях не видели сразу знакомых и «просто знатных» особ Российской империи. Вот Григорий Александрович Потёмкин, светлейший князь Таврический. Здесь же рядом с императрицей сидят две сестрицы-красавицы: Александра Васильевна Браницкая и Екатерина Васильевна Сказарская (в девичестве Энгельгард). Это родные племянницы светлейшего князя Потёмкина. Попала сестрица в близость к царскому престолу благодаря протекциям своего знаменитого дядюшки, с которым их связывали более чем просто родственные отношения.

«Положение её сначала было очень затруднительное: малообразованная, выросшая в деревне, она не знала, как держать себя, но скоро освоилась и даже начала играть довольно видную

Александр Дмитриевич Ланской

роль при дворе», – вспоминал Константин Браницкий о своей матери Александре.

Её любил во дворец. Императрица и придворные называли её ласково «Сашенькой». Ходили сплетни, что Сашенька – дочь самой Екатерины. Но престолу нужен был наследник. И девочку подменили мальчиком из чухоновской деревушки Котлы Ямбургского уезда (Кингисеппского района). Этот подменённый мадепен и стал потом императором Павлом Петровичем (так гласит одна из исторических гипотез. – *Прим. ред.*). Александра отличалась весьма деятельным характером, всегда была другом и преданной помощницей светлейшего князя. При Екатерине она стала её доверенным лицом и едва ли не членом семьи.

Свадьба Александра Энгельгарда с коронным польским гетманом Ксаверием Браницким состоялась 12 ноября 1781 года. Девичу не

особенно спрашивали о желании выйти за Браницкого. Брак отвечал политическим потребностям того времени. Екатерина II стремилась к устойчивому миру с Польшей и поддерживала связи между русскими дворянами и польской шляхтой. За невестой гетман Браницкий получил причёмное приданое – 600 тысяч рублей серебром и крупные земельные владения. Императрица подарила супругам дворец на Мойке в Петербурге, ныне называемый Юсуповским.

К концу жизни состояния Александры составило 28 миллионов рублей. Но она никогда не забывала о непростом начале жизни в поместье своего отца, бедного мелкопоместного дворянина Смоленской губернии, и всегда была готова проявлять широкую благотворительность. По завещанию она передала 200 тысяч рублей на выкуп должников из порем и 300 тысяч капитала на то, чтобы проценты с него были направлены на поддержку благосостояния крестьян её бывших имений.

Григорий Потёмкин умер на её руках в 1791 году. «Графиня Браницкая, бросая на него, старалась уверить себя и всех, что он ещё жив, старалась дышанием своим согреть охладевшие уста...», – вспоминала свидетель этой сцены.

Младшая сестра, Екатерина, хоть и не была столь же деятельной, но именно её больше всех обождал светлейший князь-дядюшка. В неё также была влюблён внебрачный сын Екатерины II и Григория Орлова граф Алексей Бобринский. В 1781 году Екатерина Энгельгард выдала замуж за Павла Мартыновича Скваронского, обладателя огромного состояния. Но муж Екатерины не отличался крепким психическим здоровьем. Его увлечение музыкой носило явно нездоровый характер – даже слуги были обязаны разговаривать речитативом.

После смерти первого супруга Екатерина вновь вышла замуж. Теперь уже за мальчишеского кавалера на русской службе графа Джулио Литта, которого в России звали Юлием Помеиничем. Французская художница Елизавета Вике-Лебрэн оставила такие воспоминания о Екатерине Скваронской-Энгельгард: «Знаменитый Потёмкин, её дядя, осыпал Скваронскую бриллиан-

тами, которым она не находила применения. Высшим счастьем её было лежать на кушетке, без корсета, закутавшись в огромную чёрную шубу. Как-то она мне сказала, что чтобы заснуть, она держит под кроватью раба, который каждую ночь рассказывает ей одну и ту же историю. Днём она была абсолютно праздной. Она была необразованной, и беседы с ней были незанятными. Но при этом, благодаря восхитительному лицу в сочетании с английской кротостью, её очарование было неотразимым».

За столом в Больших Полах сидела и любимая фрейлина Екатерина II, одна из первых и лучших выпускниц Смольного института Варвара Петровна Пассек. Собственно, к её батюшке, правителю Могилевского наместничества Петру Богдановичу Пассеку, и ехала тогда императрица. Пётр Богданович был весьма ловким правителем, и его многочисленные злоупотребления по службе вскрылись только после смерти. Он «ничем не хотел заниматься, кроме карт, лошадей, любовниц, побочного сына и титула губернатора». Любимым занятием этого представителя екатерининского правления было проводить перед зеркалом по два часа, хотя весь его туалет состоял в том, чтобы надеть парик, завитый заранее.

А вот ещё одна родственная пара: флигель-адъютант Александр Дмитриевич Ланской и его сестра фрейлина Елизавета Дмитриевна.

Ланской – новый фаворит Екатерины II. Он с первого взгляда понравился Екатерине и стал флигель-адъютантом. Дюброккелеатели посоветовали ему обратиться за поддержкой к Потёмкину. Так молодой царедавец обрёл в Потёмкине заступника и друга. Григорий Александрович с лёгким сердцем рекомендовал его императрице. Перед Паской 1780 года Ланской опять предстал перед императрицей, был обласкан ею, удостоен чина полковника и в тот же вечер поселился в пустующих апартаментах бывших фаворитов. Молодой флигель-адъютант оказался умницей и постарался не вступать ни в какие дворцовые интриги. Его единственной страстью, самой горячей и искренней любовью было только Екатерина. А чтобы ещё больше ей понравиться, Александр Дмитриевич с успехом принялся за самообразование. Однако в июне 1780 года вполне ещё молодой и здоровый человек серьёзно и опасно заболел. Говорили, что упал с лошади. Также говорили, что он подорвал своё здоровье возбуждающими средствами. Несчастная Екатерина ни на час не отходила от постели больного и почти перестала есть. Государственные дела были отставлены. Когда Александр Ланской умер, Екатерина совершенно потеряла самообладание, рыдала и причитала, как деревенская баба. Она никого не хотела видеть, кроме сестры Александры, Елизаветы, очень похожей на брата. Да и сама Екатерина заболела. Ни часа

Лев Александрович Нарышкин

она не могла провести без рыдания по любимому человеку. Помогли забыть горе Фёдор Орлов да старый друг Григорий Потёмкин.

Умирая, Александр Ланской просил похоронить его в одном из уголков Царскосельского парка, чтобы и после смерти быть поближе к Екатерине. Его последняя воля была исполнена, могила обозначена мраморной урной. Но оцмдажд царскосельские слуги обнаружали могилу разрытой, а рядом увидели изуродованное и оксверженное тело покойного. Незвестные мерзавцы оставили в могиле позорные пасквили, оскорблявшие память Александра Ланского.

Сидяще за столом в Больших Полах гости не скучили. Были шампань шутки и смех. Это забавляла собравшихся особ знаменитый придворный шутник

Яков Ефимов Сивер

и балагур обер-штабмейстер Лев Александрович Нарышкин. Его путь в ближний круг императрицы Екатерины II был крут и совсем непросто. В своё время Лев Александрович являлся фаворитом свергнутого, а потом и убитого императора Петра III и находился при нём до самой его смерти. За верность императору он был арестован в Ораниенбауме в день переворота. Однако арест продолжался недолго. Новой императрице Екатерине II надо было привлекать на свою сторону представителей самых знатных дворянских семей. Приходилось высказывать свою милость. Скоро Нарышкин был пожалован в обер-штабмейстеры. Всю оставшуюся жизнь он провёл в придворном кругу. Лев Александрович добил русское хлебопашество, устраивал пир,

балаи и маскарады. Очень часто и сам хозяин не знал, кто именно у него сегодня в гостях. В хлебопашном нарышкинском доме принимали всех. На один из маскарадов, данных для императрицы в 1772 году, Лев Александрович потратил аж 300 тысяч рублей. Екатерина была довольна. Правда, нелишне напомнить, что на содержание всего Кавказского корпуса в 1793 году было потрачено почти столько же – 355.745 рублей. На снабжение всего Черноморского флота – 445.024 рублей 20 копеек. А на закупку для всей армии медикаментов – 270 тысяч рублей. То есть меньше, чем на тот самый маскарад. Что уж говорить о содержании колодезников. В 1793 году оно стоило государству 125.221 рубль.

Князь Щербатов в сочинении «О повреждении нравов в России» писал о Лье Нарышкине как о «человеке довольно умном, но такого ума, который ни к какому делу стремления не имел, был труслив, жаден к чести и корысти, шутов и, словом, по обращениям своим и по охоте шутить более удобен был быть придворным шутом, нежели возможей». Да и сама императрица называла милейшего Льва Александровича не иначе, как «прирождённым дракином», «слабой головой, бесхарактерным», «человеком незначительным». Однако некоторые из современников гораздо глубже поняли его суть. Уже после смерти Нарышкина было о нём сказано и такое: «Он

был весьма тем более опасней, что под видом шутки, всегда острой и язвительной, умел легко и к стати высказывать самую горькую правду».

Принимал Екатерину II и её свиту в Больших Полах губернатор Павел Дмитриевич Мансуров, участник русско-шведской (1741–1743) и Семилетней войн (1756–1762). Наибольшую услугу трону он оказал как один из главных победителей Пугачёва. За это Павлу Дмитриевичу был пожалован орден Св. Анны и 40.000 десятин земли.

Среди лиц, принимавших в Больших Полах императрицу, находился и Яков Ефимович Сиверс – герой всех главных сражений Семилетней войны. Это был заботливый и «крепкий хозяйственник». Именно Якову Сиверсу принадлежит заслуга постройки и реконструкции каналов, в том числе Вышневолоцкой водной системы. На посту Новгородского губернатора он уделял большое внимание сельскому хозяйству, развитию соляного дела, добыче торфа и каменного угля, дорогам, водным сообщениям, школам.

...Высочайший обед в большешпольском путевом дворце уже заканчивается. Гости, сытые и довольные, встают из-за стола. Государыня императрица тоже весьма довольна. Пора опять в путь-дорогу. В половине второго часа пополудни полетели царские кони дальше. Впереди уездный город Годов.

Счастливого дороги, Ваше Императорское Величество!

Вера Щипунова

НЕ ПРОМЕНЯЮ

*Говорят, на юге раз,
Как нести, хорони,
Но мне русские берёги
Всё же лучше для души.*

*Пусть там пальмовые рощи
Нежат вечная весна,
Для меня родней и проще
Наша ёлка и осина.*

*Не растут здесь апельсины,
И не зреет виноград...
Я довольствуюсь малиной,
Плю брусничной лимонкой.*

*Очень пусть у нас сидят,
Для «чужих» земля не рай...
Я на юг не променяю
Свой родной любимый край.*

1967 г.